
К 100-ЛЕТИЮ А.З. МАНФРЕДА

«ВРЕМЯ ЗАСТАВЛЯЛО ДУМАТЬ О РЕВОЛЮЦИИ...»

Казалось бы, за три десятилетия, прошедшие со дня ухода из жизни Альберта Захаровича Манфреда, о нем уже немало сказано и написано. Достаточно вспомнить, что этот выпуск «Французского ежегодника» – уже третий, где есть посвященный А.З. мемориальный раздел. В 1976 г. были опубликованы отчет о заседании Сектора новой истории и Группы истории Франции, собравшихся в честь А.З. Манфреда, а также воспоминания его коллег¹; в 1981 г., помимо воспоминаний, – еще и подготовленный его близким другом, Виктором Моисеевичем Далиным, материал по записным книжкам Манфреда за 1970-1976 гг.² Кроме того, вышли в свет отдельные очерки о жизни и творчестве этого историка³.

И все же остается ощущение, что историческое и литературное наследие А.З. Манфреда еще ждет своего внимательного исследователя. Идут годы, и все меньше остается людей, которые хорошо знали Альберта Захаровича и могут поделиться своими воспоминаниями о нем.

Этот выпуск «Французского ежегодника» мы открываем публикацией беседы с *Надеждой Васильевной Кузнецовой*, вдовой А.З. Манфреда, любезно согласившейся ответить на наши вопросы.

Д.Ю. Бовыкин: Что рассказывал Альберт Захарович о своем детстве, прошедшем в Петербурге?

Н.В. Кузнецова: Да, он родился в Петербурге и не раз впоследствии говорил: «Я – ленинградец». Всего два раза в жизни я видела на глазах у него слезы, один из них – на Пискаревском кладбище. «Все мое детство здесь похоронено», – сказал он тогда. Сохранилась его записная книжечка, куда он переписал стихотворение Мандельштама: «Я вернулся в мой город, знакомый до слез... Так глотай же скорей / Рыбий жир

---

¹ Памяти А.З. Манфреда // ФЕ. 1976. М., 1978. С. 5-30.

² К 75-летию со дня рождения А.З. Манфреда // ФЕ. 1981. М., 1983. С. 147-175.

³ Далин В.М. Мастер исторического портрета // Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981. С. 302-315; Борисов Ю.В. Альберт Захарович Манфред // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва – Иерусалим, 2000. С. 403-415.

ленинградских речных фонарей... Петербург, я еще не хочу умирать: / У тебя телефонов моих номера...»

Д.Б. Учиться он начал еще до революции?

Н.К. А.З. учился в Тенишевском училище, а самое главное – в доме хорошо учили языкам. Три сестры (Женя, Лёля и Зина) и брат – все изучали разные языки. Так получилось, что отец еще до революции уехал по работе в Саратовскую губернию, а мать осталась в Петрограде с четырьмя детьми. Началась революция, все работницы и горничные ушли. Мама раньше никогда ничего не делала по хозяйству, а теперь ей пришлось заниматься всем. Тогда по осмьюшке хлеба давали всего-навсего, и она весь хлеб отдавала детям. Как А.З. рассказывал, однажды он зашел в спальню и увидел, что мать неподвижно лежит на кровати. Он позвал девочек. Взяли зеркало, поднесли ко рту – не дышит. Он побежал в ближайшую аптеку за помощью, но было поздно: мама умерла от голода.

После смерти матери они с сестрой Лёлей отправились к отцу в Саратовскую губернию. Две недели добирались до места. Отец работал в деревне Скатовка учителем начальной школы, хотя до революции был адвокатом. Он устроил детей в Саратове, а сам через какое-то время уехал в Псковскую область. И только перед войной они вновь стали жить вместе, отец перебрался к А.З. в Москву. Вообще, А.З. и мать, и отца очень тепло вспоминал и рассказывал, что отец был исключительный аккуратист, настоящий педант, любил порядок. У А.З. эта черта тоже присутствовала – он всегда знал, где и что у него лежит.

В Саратове А.З. жил с сестрами в одной комнате, на кроватях не было ни матрасов, ни простыней. В городе тогда открылось отделение АРКОСа⁴, и поскольку девочки хорошо знали языки, то стали работать в нем. Сам А.З. занимался расклейкой газет, афиш, работал в магазине грузчиком, хотя и был еще мальчишкой. Он рассказывал: «У меня оторвались подошвы у ботинок, никто не брался чинить, и я веревкой их подвязывал». Он так потом и про внуков говорил: «Если хотят быть людьми, пусть не боятся никакой работы. Я все делал сам.». Там же, в Саратове, А.З. стал понемногу печататься в газете.

Д.Б. Альберт Захарович ведь и дальше продолжал писать для газет?

---

⁴ АРКОС – All Russian Cooperative Society Limited, с 1922 – Arcos Ltd, акционерное торговое общество. По решению советского правительства учреждено в Лондоне в июне 1920 г. советской кооперативной делегацией с полномочиями Центросоюза, когда в отсутствии договорных отношений между Россией и Великобританией необходимо было осуществлять внешнеторговый обмен. Имело разветвленную сеть отделений в ряде городов России и других странах.

Н.К. У него много статей выходило в «Комсомольской правде» примерно в 1925-27-м годах – о Есенине, о Мандельштаме, об Асееве. Перед ним стоял выбор: или быть писателем, или историком. Предпочтение он отдал истории, но его всегда привлекала литература, он преклонялся перед некоторыми писателями и поэтами. Он и сам писал стихи, но только для себя, не хотел отвлекаться. Есть у него и неопубликованная проза: «Повесть о белых медведях», я хочу ее напечатать, и наброски повести «Рухнувшая глыба».

Д.Б. Это ведь вещи во многом автобиографические – про семью Альберта Захаровича, про первые годы советской власти. Видно ли из них отношение А.З. к Октябрьской революции?

Н.К. Он хорошо к ней относился, так же, как и к Ленину. Вот в «Повести о белых медведях» есть такой эпизод, когда они, молодежь, зимой катаются на санках, играют в снежки, веселятся. К ним подходит пожилой человек и говорит: «Что вы веселитесь?! Там такая трагедия! Умер Ленин». И они просто оцепенели. Конечно, А.З. личность Ленина очень привлекала.

Д.Б. Надежда Васильевна, знаете ли Вы историю о том, как был репрессирован Альберт Захарович?

Н.К. После окончания аспирантуры он был направлен на работу в Ярославль и Иваново – и там заведовал кафедрой. Насколько я помню, А.З. рассказывал, что работал вместе с ним Михаил Шиманский. В партию тогда принимали не сразу – сначала человек считался сочувствующим, потом – кандидатом и, наконец, членом ВКП(б). Шиманский дал А.З. рекомендацию для вступления в партию, но потом был арестован. Стали забирать и тех, кто имел к Шиманскому какое-либо отношение.

Скорее всего, речь идет о Михаиле Викентьевиче Шиманском, арестованном в ноябре 1937 года⁵. Сам перевод А.З. из Ярославля в Иваново был отнюдь не случаен. Кампания по чистке Ярославского пединститута началась еще в конце 1931 г. По счету она была уже четвертой, и благодаря ей институт во многом оказался развален. «В ЯПИ воцарились бесхозяйственность и безответственность. Отсутствие кадров побудило дирекцию поставить перед Наркомпросом вопрос о закрытии экономического отделения и переводе исторического отделения в Ивановский пединститут, – рассказывает об этом А.М. Ермаков. – С января 1930 по ноябрь 1932 г. кафедры истории народов СССР и всеобщей истории были объединены под руководством большевика с дореволюционным стажем М.М. Великовского, который

---

⁵ АП РФ, оп.24, дело 412, лист 170 // <http://stalin.memo.ru/spiski/pg04170.htm>.

видел свою задачу в разоблачении и изгнании "реакционных элементов". Хотя на смену уволенным педагогам пришли преподаватели-коммунисты А.З. Манфред и М.В. Шиманский, а также кандидат в члены ВКП(б) Г.Е. Рейхберг, в 1934 г. историческое отделение было переведено в Ивановский пединститут»⁶.

Однако, судя по всему, А.З. перешел на работу в Иваново еще в 1932 г.⁷ Ивановский пединститут в тот год только-только открылся вновь: первоначально он был создан еще в 1918 г., но в 1923 г. закрыт по постановлению Совнаркома⁸.

Н.К. Когда стало понятно, что дело начинают раскручивать, А.З. отправился к Н.К. Крупской с просьбой о переводе его на работу в другой город⁹. Надежда Константиновна отнеслась к А.З. очень благосклонно. В беседе с ним она поняла, что перед нею серьезный ученый, человек, у которого семья и которому надо помочь. Она направила его на работу в Якутск. Он туда приехал на кафедру Новгородова¹⁰, который потом в Московском областном пединституте работал. Новгородов его хорошо принял, но тут пришли следом документы по делу Шиманского. А.З. арестовали и отправили обратно по Лене пароходом. Привезли в Москву, потом – во Владимир. От него хотели получить показания по делу Шиманского, пытались и его самого обвинить как «врага народа». А.З. мне рассказывал, в каких ужасных условиях находился: про камеры, где от лежащих людей не видно пола, про то, как давали папирсы, но не давали спичек, или давали спички, но не давали папирос, давали селедку, но не давали воды. Его привезли, кажется, в Лефортовскую тюрьму, затем переправили во Владимир, и он просидел, наверное, около года во Владимирском центре.

«...За плечами Манфреда [...] был тяжелый опыт, который всякого мог бы отучить от совершения смелых поступков. В 1937 г.

⁶ *Ермаков А.М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия // Педагогический вестник. http://sun20.history.yar.ru/vestnik/iz_istorii_YSPU/12_2/.

⁷ *Тырсенко А.В.* Манфред Альберт Захарович // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С.292.

⁸ Ивановский государственный университет. Общие сведения и история университета // http://ivanovo.ac.ru/win1251/history/history_isu.htm.

⁹ С 1929 г. Крупская была заместителем Наркома просвещения РСФСР.

¹⁰ Афанасий Иннокентьевич Новгородов (1902-1983) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Якутской АССР. Закончил Институт красной профессуры. В 1937 г. назначен директором Якутского государственного педагогического института и заведующим кафедрой марксизма-ленинизма. В 1954 г. стал доцентом кафедры истории КПСС Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, а впоследствии и заведующим кафедрой. – *Казарян П.Л.* Один из первых организаторов академической науки в Якутии // Наука и техника в Якутии. <http://st.ya1.ru/topic.php?topic=10161>.

он работал в Ивановском пединституте и там был исключен из партии и уволен с должности. Приехал в Москву, получил направление на Работу в Якутск, нечто вроде ссылки. Там, однако, проработал не больше двух недель, был арестован и препровожден во Владимирскую тюрьму. Подвергался физическим издевательствам, тяжело заболел и лишь благодаря отчаянным хлопотам семьи и помощи нового следователя, удивительного человека, вскоре погибшего в застенках, был перевезен в Москву, в тюремную больницу, откуда еле живым вернулся домой в 1940 г.»¹¹.

Н.К. В конце концов, Альберта Захаровича выпустили. Его первая жена очень много делала для его освобождения. В нашем доме была даже справка о том, что он освобожден «за отсутствием состава преступления». Вернувшись из заключения, он был тяжело болен, но спустя некоторое время восстановился и вновь вернулся к своим занятиям.

Д.Б. В анкетах А.З. указывал, что был репрессирован?

Н.К. Нет. Хотя я думаю, что многие про это знали. Вскоре после возвращения, это было в 1940 году, он устроился в Московский областной пединститут. После начала войны весь институт эвакуировался в Кировскую область в город Малмыш.

Д.Б. Его не призывали в армию?

Н.К. Он – язвенник, у него была язва желудка. Первое время, когда началась война, он участвовал в народном ополчении. Жена и дети уехали в эвакуацию, а А.З. какое-то время оставался в Москве. Тогда у него умер отец, и А.З. рассказывал, как трудно было тогда его похоронить.

Д.Б. А в 1945 году Альберт Захарович уже перешел на работу в Институт истории АН СССР...

Н.К. Да, началась борьба с космополитизмом, он вынужден был уйти из педагогического института в Академию наук. Время было ужасное. Сейчас даже страшно вспомнить. Выходит студент первого курса, мальчишка маленький, едва до края кафедры достает, и начинает критиковать всех ведущих преподавателей – Манфреда, С.И. Бернштейна – известного филолога-лингвиста. А.З. сам ушел из Института в Академию и стал работать в секторе Бориса Федоровича Поршнева.

Д.Б. Вступил ли Альберт Захарович вновь в партию, после того, как вернулся в Москву?

Н.К. После 1956 года ему это предлагали. Помню, как в отдел пришел Б.Ф. Поршнев, и сказал А.З.: «Нам в партию предлагают. Давай

¹¹ *Оболенская С.В.* Два портрета. Воспоминания историка // http://zhurnal.lib.ru/o/obolenskaja_s_w/05.shtml.

вступим». Мы тогда с ним это обсуждали, и он сказал: «Да был я уже в этой партии, больше не хочу...». Так и не вступил, как, впрочем, и Поршнев.

Д.Б. А как получилось, что у Альберта Захаровича оказались родственники за границей?

Н.К. У матери А.З., Розы, было два брата (театральный критик Исай Розенберг и знаменитый художник Лев Бакст (Розенберг)) и сестра Софья. У Софьи тоже было четверо детей, им больше повезло. Они весной 1914 г. поехали в гости к Л. Баксту в Швейцарию. Началась Первая мировая война и революция, и семья осталась в Швейцарии, а затем переехала во Францию. Там Бакст жил с семьей сестры Сони до конца своих дней. Он помог всем ее девочкам получить образование: бухгалтерское, медицинское. В 1924 г. Бакст умер, оставив наследство своим родственникам, но Захар Львович, отец А.З., от этого наследства отказался.

Д.Б. И дальше никаких контактов не было?

Н.К. Одна из двоюродных сестер А.З., Мила, была замужем за Андре Барсаком, руководителем и режиссером театра «Ателье» в Париже. Мила с мужем и дочерью Катей даже в 1970 г. приехали в Москву и пришли к нам в гости. С этим связана такая история. Во время ужина А.З. вышел ненадолго на кухню, окна которой смотрят на улицу. Когда он вернулся, я сразу почувствовала: что-то не так, но не могла никак понять, в чем дело. И только когда гости уехали, А.З. сказал мне: «Ну зачем Мила так неожиданно приехала, кто ее просил! Она же за собой привела хвост!». Тогда ведь было такое положение: если к вам идет иностранец, вы обязаны на работе поставить об этом в известность и пригласить еще кого-то присутствовать. У нас обычно в таких случаях Виктор Моисеевич Далин бывал или кто-нибудь еще из сектора. А тут никого. И получилось, что Мила невольно нас поставила в ложное положение: она сообщила, что придет в гости, лишь в тот же самый день, с утра, а накануне Нового года кого мы могли пригласить...

Д.Б. И это имело последствия для Альберта Захаровича?

Н.К. Тогда готовились отмечать столетие Парижской Коммуны. А.З. должен был ехать во Францию во главе советской делегации и делать основной доклад. Национальный комитет историков в то время возглавлял Александр Андреевич Губер¹². Вечером, дня через три-четыре, он звонит и говорит: «В ЦК пересмотрели список делегации. Нас пригласили с женами, но некоторым женам отказали». Я говорю

¹² Губер Александр Андреевич (1902-1971) – академик АН СССР, специалист по истории Юго-Восточной Азии. С 1957 г. председатель Национального комитета историков СССР; с августа 1970 г. президент Международного комитета исторических наук.

А.З.: «Ну, значит, и меня нет». А он: «Как же так, я – глава делегации, а тебя нет? Как это может быть! Французы этого не поймут». Но когда через несколько дней А.З. съездил в ЦК, то выяснилось, что его и самого вычеркнули из списков. И только лет через пять я узнала причину: все это произошло именно потому, что приезжала Мила с семьей. Секретаря партийной организации Института, М.И. Михайлова – мы с ним были в хороших, добрых отношениях – вызвали тогда в ЦК и сказали, что А.З. принимал французов без разрешения и в Париж не поедет.

Д.Б. Но, насколько я знаю, Альберт Захарович ведь не стал невыездным?

Н.К. Да, через год А.О. Чубарьян – за что я ему очень признательна – добился того, что А.З. включили в состав делегации на конгресс в Бельгию. Тем самым он вновь дал А.З. возможность почувствовать, что тот – ученый, с которым считаются. Это для А.З. было очень важно.

Д.Б. Отдельная тема – отношения Альберта Захаровича с Виктором Моисеевичем Далиным. Они ведь не только тесно дружили, вместе работали над «Французским ежегодником», но и жили поблизости – здесь, на Кутузовском проспекте. Как это получилось?

Н.К. А.З. раньше жил на Бакунинской, в страшном деревянном доме без удобств. А у него был друг детства, с которым они еще с Саратова были знакомы, человек тоже очень сложной судьбы – Александр Геннадьевич Апполов; он потом защитил диссертацию и заведовал кафедрой в Курске. Жена Александра Геннадьевича была депутатом Верховного Совета. И когда начали строительство домов на Кутузовском, Валентина Федоровна обратилась как депутат к кому-то из членов правительства с просьбой дать здесь квартиру профессору Манфреду. Так он и получил в 1956 году эту квартиру в доме Совета министров СССР. А Виктор Моисеевич жил на Арбате. Если говорить про «детей Арбата», то его сын Миша очень хорошо всю эту атмосферу знает, этот воздух Арбата... Затем им дали комнату и поселили где-то вот здесь, на Дорогомиловской улице, а когда поблизости построили новый дом, дали там двухкомнатную квартиру. Так А.З. и В.М. и оказались рядом.

«В.М. Далин около полувека дружил и сотрудничал с одним из крупнейших историков XX столетия – Альбертом Захаровичем Манфредом. Познакомившись с ним еще в 20-х годах, в семинаре Лукина по истории французского социалистического движения, он на протяжении всей жизни остался беспредельно верным этому замечательному ученому, которого ценил больше, чем всех остальных. Его отношение к Манфреду служит образцовым примером преданности и верности памяти ушедшего из жизни друга. Манфред был для Далина высочайшим научным авторитетом. В.М. оценивал его намного выше

себя, хотя на самом деле, в своем "ремесле историка" вряд ли уступал другу, занимая в науке равное с ним положение. [...] Помню, как при жизни В.М. некоторые из его коллег со снисхождением констатировали, что он боготворил Альберта Захаровича. Отчасти это и, действительно, было так»¹³.

Н.К. Виктор Моисеевич вставал утром рано, в пять утра, и садился работать. Он работал часов до восьми, до девяти, потом шел за газетами, читал их, Но дома не хранил, а те статьи, которые казались ему наиболее интересными и значимыми, рассылал друзьям. Не только в Москву, но и в Одессу, в другие места. У него много друзей было – по Одессе, по украинскому комсомолу. Потом отдыхал, и еще немножечко вечером работал. Как и Альберт Захарович. Тот тоже часов с восьми утра примерно до двенадцати, до часу работал. Затем завтракал. Потом отдыхал и шел читать газеты на щитах. Это сейчас там реклама, а тогда на щитах вывешивали газеты. А когда возвращался, все самое интересное мне рассказывал.

«В последние годы жизни А.З. Манфреда, когда того одолевали болезни, В.М. бесконечно его жалел, тревожился, старался ничем его не огорчать, брал на себя многие дела своего друга и заботился о том, чтобы и другие не утомляли и не огорчали его. Смерть Альберта Захаровича в декабре 1976 г. была для него настоящим ударом. На гражданской панихиде в Институте Виктор Моисеевич сначала тихо произнес полагающиеся слова, а потом раздался совсем другой голос: "А теперь, – отчаянно выкрикнул он, – я должен сказать самое трудное: прощай, дорогой Альберт!"»¹⁴.

Н.К. Когда они встречались, Альберт Захарович и Виктор Моисеевич говорили о французских революционерах, как о живых людях. Вы не представляете себе! Я теперь так жалею, что не записывала. «Вот стоило Робеспьеру только одно слово сказать, и никакого Термидора бы не было!» Или едем на работу (я недалеко от них работала, на Ленинском), и у них разговор больше ни о чем, как о французских революционерах, как будто перед ними эти живые люди – и Дантон, и Люсиль Демулен, все перед ними!

Д.Б. Кто еще бывал у вас в доме?

Н.К. К нам многие люди приходили. Борис Федорович Поршневу нас часто бывал. Очень интересный человек был, очень непростой. Я думаю, что Б.Ф. считал, что его недооценили как ученого, как специалиста. Возможно, он был и прав, потому что у него была такая эрудиция! И

¹³ Погосян В.А. Далин, каким я его знал // ФЕ. 2002. М., 2002. С. 15-16.

¹⁴ Оболенская С.В. Два портрета. Воспоминания историка.

знания. Кроме Фронды, он писал и о снежном человеке, и философские работы.

Д.Б. И здесь же Альберт Захарович встречался со своими учениками, с аспирантами?

Н.К. Когда к нему аспиранты приходили, он сначала обо всем расспросит, как живется, потом беседует: «Вот здесь вы гениально написали. А вот здесь надо подумать. Вы хотите знать мое мнение, я не буду вам его говорить. Я вам сказал: “Подумайте!”». Потому что если я выскажу вам свое мнение, вы напишете по-моему. А у вас совершенно иная позиция». То есть, он давал возможность каждому аспиранту подумать, правильно это или не правильно. Мне еще что всегда нравилось. Вот А.З. сидит, читает диссертацию – например, Инны Сиволап о Вольтере¹⁵. И говорит: «Иди-ка сюда, послушай. Ты посмотри, какая фраза! Первая фраза! Уже можно голосовать за присвоение ученой степени! Я бы так не написал». Вторую страницу перелистывает, читает дальше и пишет на полях: «Об этом надо подумать». Дальше: «C'est dommage». Вот так он делал замечания.

Д.Б. А как Альберт Захарович работал со своими собственными текстами? Мне много приходилось слышать о том, что он практически их не правил; об этом же пишет и С.В. Оболенская в своих воспоминаниях в этом выпуске Ежегодника.

Н.К. Это действительно так. Он очень легко умел писать, меня это поражало. Я бывало сижу, готовлюсь к лекции, но никак не могу придумать начало. А.З. подходит и спрашивает: «Чего ты мучаешься? Какая тема лекции? Да так и пиши: ”В 1895 г. Александр III, вопреки мнению своего отца, принимает...” И все, пошло! У А.З. был исключительный, конечно, язык, стиль. Может показаться удивительным, но когда А.З. что-то писал, то сразу потом отправлял машинистке и в издательство. Также и когда диктовал стенографистке: он знал ее квалификацию и текст после расшифровки уже не перечитывал. Другое дело, что текст могли сократить: «Наполеон Бонапарт» вышел в сокращенном варианте.

Д.Б. А сохранился ли полный текст?

Н.К. Он находится в отделе рукописей «Ленинки»: А.З. завещал отдать свои бумаги именно туда. Мы после его смерти отвезли два огромных чемодана – там и его переписка, и «Повесть о белых медведях». Там, конечно, не все, но многое; дома, конечно, еще остались кое-какие материалы.

---

¹⁵ Сиволап И.И. Социальные идеи Вольтера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Д.Б. Альберт Захарович много болел в последние годы жизни?

Н.К. У А.З. сорок лет была язва: он ее заработал еще в Якутии или когда по этапу ехал из Якутии в Иваново. В 1974 г. я вечером приезжаю с работы, а у А.З. очень сильный приступ язвы. Заведующая отделением больницы спрашивает: «Ну что, вы не представляете себе, как вы больны?» Она ему давала понять, что у него рак. А он ей: «Если мне суждено умереть, я умру на этой кровати, но в вашу больницу я не поеду». Он лежит в таком тяжелом состоянии, глаза красные... А я знала, что в Москве есть специалист по язве. Я одной родственнице позвонила и попросила достать телефон Юрия Львовича Левина. Его отец шел по «бухаринскому процессу» и был расстрелян. И сам он сидел, но это уже другая история. Мне дали его телефон, я позвонила, и он назначил время консультации. Мы поехали. А.З. держался очень напряженно. Врач нас принял. Целый час пальпировал А.З. Затем: «Ну что я могу вам сказать? Во-первых, у вас язва двенадцатиперстной кишки, и во-вторых, еще язва при входе в желудок. Это – по результатам пальпирования, но вы должны еще посмотреть на рентгене, я вам посоветую профессора». Всего несколько слов, а после них А.З. почувствовал себя уже совершенно по-другому. Он вышел оттуда, расправив плечи.

Благодаря этому врачу, А.З. продержался еще два года. Когда ему нужно было ехать в Париж, единственный, кто выступал против, была я.

Д.Б. Речь идет о его последней поездке?

Н.К. Да. Без конца все звонили: надо ехать. Тогда полетели туда академики Жуков, Иноземцев, Иоаннисян, разное идеологическое начальство из ЦК. Я смотрела по телевидению, как все они выступали. 12-го декабря 1976 года А.З. показали по телевизору. В это время в Париже моя крестница работала. Я ей вечером звоню, она и говорит: «Я вечером была у А.З. – он очень плохо выглядит. Завтра он вылетает из аэропорта Шарль де Голль». В 11 утра я поехала за ним в Шереметьево. Менялась погода. Утром было тепло, а тут холод, ветер. Объявили самолет из Парижа. Смотрю – идет Манфред. Лицо желтого цвета – желчь уже разлилась. Стоит, ищет документы, заполняет. Я подбежала к женщине-таможеннику, говорю: «Извините, пожалуйста. Человек очень болен, нельзя ли пропустить побыстрее. Всякая задержка может плохо кончиться». У него вещей почти не было – один портфель. Он вообще, когда в Париж ездил, не пытался приобретать какие-либо вещи, кроме карандашей «Віс» и галстуков.

Мы вышли из аэропорта – ни одной машины. Потом нашли какую-то, кое-как доехали до дома, поднялись на лифте, и впервые я увидела, как он стоит, опершись на стенку, пока я двери открывала. Обычно А.З. никогда не раздевался в коридоре. Всегда проходил прямо к себе, здесь

уже снимал пальто, ботинки, и все относил в прихожую. А на этот раз, смотрю, раздевается в прихожей. Не стал ничего есть, только выпил немного чаю. «Все, – говорит, – больше не могу». Уложила его, вызвала скорую. Врачи приехали, но в больницу он с ними отправиться не захотел и подписал официальный отказ. Я вызвала врачей из академической больницы – то же самое. После того, как он был на Севере, после Владимира, он к врачам с недоверием относился. «В больницу, – сказал А.З., – я не поеду». Затем уснул. Я ушла в соседнюю комнату, занялась своими делами, вдруг слышу – кричит. Я опять вызвала врача из академической больницы. Приехал врач: «Ну, А.З., в вашем положении – только в больницу, у вас другого выхода нет». Тут он уже и рта не открыл, чтобы возразить. Соседи, врач и шофер отнесли его в машину, и мы поехали в больницу. Его положили в палату, а он говорит: «Требую от тебя следующего: во-первых, ложусь я только на два дня, 18-го уже выборы. Во-вторых, никуда не уходи».

Стали переливать кровь. Вышла я из палаты, стою, жду. Идет заведующий отделением. «Как дела?», – говорю. Он: «Плохо, сердце остановилось...» Потом врачи сказали, что ничего уже сделать было нельзя.

Д.Б. Каковы были планы Альберта Захаровича, что осталось нереализованным?

Н.К. Он подписал договор на книгу о Руссо для серии «Жизнь замечательных людей» – на 40 печатных листов. И еще, вскоре после того, как он умер, мне позвонила Ольга Ивановна, его стенографистка, с которой он хотел переделывать «Великую французскую революцию», многое изменив в книге.

К настоящему времени книга А.З. Манфреда «Великая французская революция» выдержала три издания. Первое, под названием «Французская буржуазная революция конца XVIII века», вышло еще в 1950 г. Шесть лет спустя последовало и второе, существенно расширенное и коренным образом переработанное – «Великая французская буржуазная революция XVIII века». Третье издание, под редакцией В.М. Далина, практически воспроизводило второе. Далин писал: «Мы разрешили себе только отдельные, незначительные купюры в тех случаях, когда известно, что мнение Альберта Захаровича по тому или иному вопросу изменилось»¹⁶.

Н.К. Первый вариант «Французской революции» он писал еще при жизни Сталина. Тогда шел спор в Институте (он еще на Волхонке был),

---

¹⁶ Далин В.М. Предисловие // Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 11.

как Германскую революцию подать, как Английскую, как Французскую. Без упоминания Сталина вообще ничего нельзя было написать. Я хорошо знала Э.А. Желубовскую, она писала о периоде после 1848 года – и с таким преклонением перед Сталиным! Всюду у нее был Сталин, он ведь совершал всемирную революцию. Альберт Захарович смеялся: «Ну, Энна, никто лучше тебя не подавал революцию через призму Сталина». И она отвечала: «А у самого-то каков?!».

Д.Б. Случалось ли вам обсуждать с А.З., чем была для него Французская революция?

Н.К. Я полагаю, что само становление А.З. проходило в такое время, которое заставляло думать о революции. Когда произошла Октябрьская революция, когда он слышал Ленина и в последующий период он был еще мальчишкой. Это было совсем другое время, не такое, как сегодня. Скромнее одевались, скромнее питались, но с большим пафосом воспринимали все окружающее. У них идеализма было много. И у А.З. идеализм тоже был. Я считаю, что этот идеализм его отчасти и погубил, когда его выдвинули кандидатом в академики. Зачем? Я говорила: «Какая тебе разница, что будет написано об этом на могильном камне?»

Д.Б. А он что отвечал?

Н.К. «Не я же себя выдвигаю...» Много было академиков, которые этого не заслуживали. А.З. был много выше их во всех отношениях и, конечно, он сравнивал себя с ними.

Д.Б. Но ведь Альберт же Захарович знал, что такое наш террор. И как он мог одобрять террор французский, если сам через это прошел?

Н.К. Я помню, как он вернулся с заседания сектора, где обсуждали проблемы Французской революции и как раз Террор. Он тяжело поднимался по лестнице, вообще, пришел в очень тяжелом состоянии, даже не хотел о подробностях говорить. Я ему тогда сказала: «Ну что ты так переживаешь?». А он ответил, что все могло бы пойти по-другому... А.З. был так расстроен, как будто речь шла о событиях, произошедших вчера. Потому, что он знал, что такие события были и у нас.